

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА В ПОИСКАХ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ЧУДЕСНОГО

Статья посвящена рассмотрению вопроса о том, как современная фантастическая литература меняет свое отношение к необычному, в чем начинает искать источники чудесного. Материалом для наблюдений служит проза известного фантаста Марии Галиной.

Ключевые слова: чудо, фантастическое, научная фантастика, формульная литература.

При довольно слабой разработанности теории фантастического и, как следствие, разногласиях между исследователями практически по всем важным вопросам в одном все теоретики согласны – в том, что фантастическое производно от чудесного. Но, даже если считать это бесспорным, вряд ли стоит рассматривать фантастическое как *итог* тех изменений, которые переживает чудо: процесс преобразований чудесного продолжается и внутри фантастической литературы. Как именно – вопрос, требующий анализа огромного материала. В рамках этой статьи речь пойдет об одном из возможных путей – том, который особенно выразительно демонстрирует проза Марии Галиной. Эта писательница создала множество фантастических произведений и недавно вышла за границы фэндомы: ее последний роман опубликован «Новым миром» – журналом, который традиционно пренебрегает формульной литературой. «Автохтоны» – вещь, тесно связанная со всем, что Галина писала раньше, но в ней фантастическое из приема изображения превращается в предмет осмысления. Опыт именно этого автора как раз и интересен тем, что фантастическое у Галиной проходит череду перерождений, так что на каждой новой стадии его связь с чудесным выглядит по-новому.

Надо отметить, что мутации чудесного начались еще задолго до появления фантастики как ветви литературы. Знаменитый историк Жак Ле Гофф считает, что «неурезанное» чудесное знакомо только языческой культуре: это то удивительное, что казалось беспричинным и принципиально необъяснимым – невиданные животные, невероятные метаморфозы (превращение людей в зверей и растения и т. д.). Чудесное неожиданно, не похоже на то, что человеку известно и что находится вокруг. Оно резко контрастирует с нормальным и привычным и создает для себя особое пространство. Не менее важно, что у латинского *mirabilia* («чудо») корень *mir-*, говорящий о визуальном восприятии, означающий «смотреть с удивлением». Чудо всегда визуально выразительно, зрелищно, шокирует своим видом [1].

При переходе от язычества к христианству чудесное было вытеснено чудотворным – тем, что нарушает каузальную связь знакомых нам явлений, но указывает на существование других – высших – законов, свидетельствует о наличии некой высшей причинности. Чудо в христианской культуре – момент встречи сакральной и профанной реальности, проблеск сакрального в профанном. Теперь чудо уже не беспричинно: оно обретает сакральный источник. По словам С. Аверинцева, «чудо в мировоззрении теизма – снятие всемогущей волей Бога-Творца положенных этой же волей законов природы», это знамение, «зримо выявляющее для человека стоящую за миром вещей власть Творца над творением» [2, с. 498–499].

---

* © Казарина Т.В., 2016

Казарина Татьяна Викторовна (kazarina_tv@bk.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

Если чудесное возбуждает в первую очередь чувства, то чудотворное — и разум тоже. Первое не допускает объяснений, оно существует нипочему. Второе заставляет догадываться о высшем смысле бытия, пересматривать свою картину мира.

По мнению Ле Гоффа, христианство нанесло страшный удар по стихии чудесного, когда объявило его источником высшую волю. Теперь у чудес появилась причина. В результате в христианских текстах, считает этот исследователь, чудеса — самое скучное и предсказуемое: они все на один лад.

Развитие научного мышления еще больше рационализировало чудесное: необъяснимое стало трактоваться как непознанное. Но ведь непознанное — это то, что предвещает, провоцирует и обещает открытия. Поэтому, как ни странно, такое отношение к чуду оказалось более милостивым, чем в религиозной системе воззрений: для ученого удивительное — отправная точка размышлений, интригующий вопрос, а не готовый ответ.

Фантастическая литература использовала все эти возможности одновременно — известный язычеству эстетический эффект чудесного, присущую научному познанию готовность рационально истолковать то, что повергает в изумление, и свойственное христианству понимание чуда как сакрального феномена.

Несовпадение этих контекстов создавало волнуемую многозначность, не случайно Цветан Тодоров считал основой фантастики некий неустойчивый компромисс между чудесным и объяснимым.

Мария Галина начала печатать фантастические произведения в постсоветскую, перестроечную, эпоху, но ее первые романы, вышедшие еще под псевдонимом Максим Голицын («Время побежденных», «Гладиаторы ночи», «Все источники бездны», «Глядящие из темноты. Хроники Леонарда Калганова, этнографа» и «Я познаю мир: Сокровища Земли») построены по «советской» схеме. А для советской научной фантастики был обычен сюжет единоборства между человеком и тем, с чем он сталкивался за пределами обжитого мира. «Злые» чудеса из неосвоенных пространств меркли перед лицом такого чуда, как наш современник. Сакрализации здесь подверглась сила знания и воплощающий ее человек. Чудеса творили не посланники Господа, а посланцы передового человечества.

Подобным же образом герои «ранней» Галиной успешно противостоят всевозможным космическим напастям. Жанр, обозначенный на обложке ее первых книг, — «боевая фантастика». Но отличительная черта протагонистов Галиной в том, что все они, сражаясь с неведомым, не столько атакуют, сколько обороняются. Они то и дело сталкиваются с неожиданными и необъяснимыми явлениями, но чудесное в этих романах всегда истолковывается как чуждое и опасное. А справиться с ним позволяют не столько благоприобретенные возможности — научные знания, новейшие технологии, — сколько природные данные героев — быстрота реакции, сообразительность и т. д. Испытанию чудесным подвергается не человек как посланец современной цивилизации, а человек как природное существо, человек обыкновенный.

Это у Марии Галиной сохранится и позже: ее персонажи будут вступать в любые схватки с голыми руками, они будут вооружены только способностью думать.

Первое фантастическое произведение, которое Галина подписала собственным именем, — «Покрывало для Аваддона» (2002) — история о том, как две девушки, нанявшись убирать кладбище, случайно разворошили камни на могиле человека, обладавшего оккультными знаниями, и в результате пробудили силы вечного зла. Укрощать зло пришлось им же.

В этой повести Галина находит тему, которую будет разрабатывать в большом числе текстов — в «Малой Глуше», «Медведках» и др. Во всех этих произведениях невероятные события вторгаются в тусклую обыденность, чаще всего затрапезную позднесоветскую. Героическая миссия выпадает на долю людей негероического склада, повествование лишено победного пафоса, и мировые катаклизмы, поворотные моменты в судьбе человечества приобретают вид рутинных событий, бытовых происшествий.

В «Покрывале для Аваддона» яркие краски еще сохраняются: зло обнаруживает себя весьма картинно и умудряется наделать немало шума, причем в людных местах — срывает спектакль в театре, взрывает музей, разносит в щепки Привоз.

Но все это преподнесено в ироническом ключе: зло обставляет свое появление пошлыми театральными эффектами (его агенты появляются в развевающихся плащах, передвигаются с нечеловеческой скоростью и т. д.), у темных сил есть ведьильные дублеры – бандиты Али-Баба и Зяма, – они тоже претендуют на власть над мирозданием. В результате зло скорее экстравагантно, чем могущественно. Мир чудес оказывается похож на реквизитную старую, выжившего из ума фокусника: оборудование поизносилось, пышные одеяния травлены молью. И со всех сторон напирают молодые и наглые конкуренты дряхлого маэстро.

А ключевая роль в решении проблемы передана «среднему» человеку, без особых дарований, – как раз потому, что в «битве гигантов», столкновении самых могущественных сил бытия, его участие не принимается во внимание. Вселенские механизмы не предусматривают «защиты от дурака», и его вмешательство определяет исход сражения Добра и Зла.

В «Покрывале для Аваддона» у фантастического более чем авторитетный источник – религиозная метафизика, и все же чудесное в этой повести дискредитируется: оно уступает обыденному в жизненной силе.

Галина и позже будет связывать чудо и зло, но уже не позволит чудесам быть хоть сколько-нибудь эффектными и понизит их статус: источником зла станет человек. В повести «СЭС-2» (2009) работники крохотной портовой санэпидемстанции побеждают самого вендиго, духа-людоеда. Но чудесное в этом произведении дискредитируется, и самыми разными способами. Во-первых, появление чудовища истолковано «рационально»: духов создает воображение людей, но они, безусловно, существуют и имеют ментальную природу. Иррациональное подается как объяснимое. Во-вторых, сражения с вендиго происходят «за сценой». Мало того, что чудесное не вполне чудесно, оно еще и лишено облика: мы знаем о нем с чьих-то слов, из рассказов персонажей. В-третьих, события происходят в атмосфере самой лютой нетерпимости к чему бы то ни было необычному, и чудесное старается никому не попадаться на глаза.

Галина приурочивает фантастические события к совершенно конкретному моменту советской истории – датирует их 1979 годом. В одном из своих интервью она объясняла: «Это был самый душный год. Все время ждали какой-то катастрофы, беды, так что, когда беды одна за другой начали наваливаться на страну, как ни странно, многие испытали психологическое облегчение. А ждали не пойми чего – третьей мировой, ядерной зимы, катастрофы... В школах на уроках гражданской обороны учили, как вести себя при ядерном поражении, на стенах учреждений висели плакаты с этапами ядерного взрыва, стрелочки, указывающие, как и куда эвакуироваться. Катастрофическое сознание проявлялось и в том, что вдруг начался массовый психоз “тарелочников”: люди видели инопланетян, разговаривали с ними... Я хотела просто воскресить ту атмосферу. Без всякой кровавой гэбни, отважных диссидентов, даже без отказников и “отъезжантов”. Заурядную, обычную» [3].

В этой повести давящий ужас ситуации связан с тем, что катастрофическое «витает в воздухе», но настойчиво вытесняется обществом из сознания. Санэпидемстанция создана специально для борьбы с «вирусами второго порядка» (так в отчетных документах именуют зловредных духов – ментальную нечисть, попадающую в порт с грузами из Африки и Латинской Америки), но деятельность работников СЭС замалчивается, ведется полуполюгально, – начальство ничего не хочет о ней знать («антинаучный бред!», «развели тут средневековье!»). Все, с чем имеют дело работники СЭС, противоречит догматам примитивного материализма, поэтому героическим одиночкам никто в их работе не помогает, и даже несомненные подвиги не приносят им никакой славы. Общая жизнь приобрела рутинно-бюрократическую окраску, и все неординарное сразу проваливается в ее подсознание.

От произведения к произведению чудеса у Галиной тускнеют, героическое десакрализуется, чудесное и чудотворное в равной степени утрачивают исключительность. Удивительное сливается с жизненным фоном, приобретает вид обыкновения, а то, что прежде было именно фоном – нейтральной «подкладкой» основного действия – выходит на авансцену. Сюжетообразующими становятся флуктуации кол-

лективной жизни, массового мышления. В «СЭС-2» большинство персонажей игнорирует чудеса потому, что полностью поглощено решением бытовых проблем, ставших почти неразрешимыми и отодвинувших все прочее на второй план.

Но чудесное, даже такое непрезентабельное, не перестает быть чудесным, пока не утрачивает референцию, опору в реальности — иначе оно превращается в выдумку. Перейдя этот, последний рубеж, Галина вышла за пределы фантастики.

Роман «Автохтоны» (2015) был хорошо встречен читателями и критикой, иногда о нем даже писали как главном событии литературного года. Из него напрочь исчезли шутовскость и инфантильный тон, которые, по словам Льва Данилкина, придавали прежним галинским произведениям сходство со сценариями «Ералаша». В данном случае перед нами отнюдь не примитивный текст.

В «Автохтонах» некто прибывает в некий город. Никакой конкретики. Мы далеко не сразу определяем даже то, что «некто» молод, а город расположен где-то в Крыму. Ореол загадочности и атмосфера недоговоренности возникают с самого начала повествования и сохраняются до конца. Но очевидно, что изображенный городок живет туризмом, он должен себя продавать, поэтому каждую подробность городской жизни его жители усердно мифологизируют — с любым домом и закоулком связывают какую-нибудь душераздирающую историю. Обычная прогулка по городу — путешествие не среди домов, а среди мифов. Вам нужен конкретный адрес? Вам скажут: «Тут все близко. Налево, за угол, в первую подворотню. Там вывеска есть, сразу увидите. Это в том доме, где невеста-мертвец. Или нет, где доктор-отравитель. Точно, где доктор-отравитель» [4, с. 78]. И сейчас же расскажут соответствующую легенду.

Пикантность в том, что этот мифологический репертуар должен быть очень подвижен. В городе нет достопримечательностей такого масштаба, чтобы они могли кормить население из года в год. Поэтому надо «вертеться», постоянно менять легенду. Большой театр проживет за счет нескольких хитов сезона, маленький должен что-то придумывать каждый вечер. И город превращается в безостановочно работающий генератор фальшивых чудес.

Главный герой приезжает сюда с серьезной целью. Говорит, что собирает материал о деятельности одной авангардной группы 20-х гг. Ему никто не верит, просто в силу местной специфики: здесь никто не говорит правды и от других ее не ждет. Но в данном случае подозрительность оправдана: на самом деле герой намерен выяснить обстоятельства смерти отца. Тот когда-то уехал сюда в командировку, а потом прислал предсмертную записку. Что заставило его покончить с собой, кто подтолкнул, неизвестно. Так что роман начинается как детектив — с попытки раскрыть тайну смерти. Герой, как настоящий следователь, готов подозревать каждого. Он быстро понимает, что доверять здесь нельзя никому и ничему, ориентируется не на то, что ему говорят, а на то, что скрывают или о чем случайно проговариваются. Но все тщетно: за слоями вымысла обнаруживаются другие слои вымысла. Вычислить тех, кто вынудил человека к самоубийству, невозможно не из-за отсутствия подозреваемых, а из-за обилия версий — как правдоподобных, так и самых невероятных. По словам местных жителей, в городе плетут интриги масоны, с партизанских времен действуют подпольщики и эсэсовцы, орудуют бесчисленные банды, строят козни инопланетяне, бесчинствует коварная нечисть — вампиры, тритоны, поджигательницы-саламандры, сильфы и под. Попробуй тут восстановить *реальную* картину чьей-то смерти! В хорошем детективе следователь выбирает между несколькими версиями и какие-то оказываются ошибочными. Здесь герою подсказывают бесконечное множество ответов, и ложными оказываются все.

Городу необходимы чудеса, а герою — факты, причем такие, которые помогут уничтожить разрыв в семейной преемственности и зияние в собственной жизни. Выручает случай: герой находит черновик отцовского прощального письма. Предсмертные записки не пишутся с черновиками, и значит, в этом случае смерть была «подделкой», имитацией. Остальное выяснить нетрудно: отец просто бросил свою прежнюю семью, живет в этом же городе (герой с ним даже встречается и разговаривает). Дело сделано, загадка разгадана, герой может уезжать.

Произошло невероятное — отец оказался жив! Как и положено чуду, это событие, которого никто не ожидал, но оно не имеет никакой волшебной подоплеки и — не вызывает восторга: герой окончательно потерял отца — узнал, что тот отрекся от сына и предал семью. Какие-то сведения об отцовской смерти были бы приобретением, а такое «возвращение из мертвых» воспринимается как утрата.

После этого городское неостановимое мифотворчество уже не выглядит злое-щим: оно сбивало героя с пути, но, возможно, и к лучшему — мешало сделать неприятное открытие. И вообще со временем становится ясно, что этот городок не так уж плох: в нем много провинциальной безвкусицы, зато никто не испытывает одиночества. Жизнь в мифе — даже искусственно синтезированном — это общая жизнь. Здесь каждому находится место в какой-нибудь сочиненной истории. Он в ней может быть оболган и оклеветан, но, во всяком случае, не забыт. Он укоренен в иллюзорном, но красочном, завораживающем пространстве, где отдельное существование приобретает смысл.

И когда герой уезжает, это воспринимается как роковой шаг — прыжок в одиночество.

На мой взгляд, все сказанное свидетельствует о том, что современная фантастика может находиться с чудесным в сложных отношениях — не только на него опираться, но и ограничивать его полномочия, лишая чудо то одних, то других его примет — сакральных истоков, эстетической выразительности, визуальной эффектности, способности резко контрастировать с привычной жизненной обстановкой. В прозе Галиной чудесное принижается, чтобы в результате выиграло обычное. По ее логике, чудо — то, что нарушает ход нормальной жизни, поэтому оно всегда разрушительно. Угроза не исходит только от одомашненного чуда — от намеренного вымысла.

И Галина в таком отношении к чудесному совсем не одинока: вся советская фантастика твердила о том, как мир чудес любого масштаба покоряется власти простых советских людей. Неожиданное, сакральное, ошеломительное не исчезало — оно как бы «перераспределялось», становясь атрибутом рядового человека. Но, когда герой перестает репрезентировать могущество стоящей за ним цивилизации, фантастика становится иронической (как в «Покрывале Аваддона» или «СЭС-2») или перестает быть фантастикой. Чудесное было неотразимо эффективным, пока существовало само по себе; потускнело — уже тогда, когда стало атрибутом Бога; позже, в рамках фантастической литературы постепенно теряло свой ореол, превратившись в характеристику человека и его деяний и, наконец, окончательно выродилось в фикцию, человеческую выдумку, но это уже за пределами фантастики.

Библиографический список

1. Ле Гофф Жак. Чудесное на средневековом Западе. URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Goff_Chudo.html.
2. Аверинцев С.С. Чудо // Сергей Аверинцев. София-логос. Словарь. К.: ДУХ/ЛИТЕРА, 2006.
3. Галина Мария. Чудовища из Малой Глуши. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/galina.html>.
4. Галина М. Автохтоны // Новый мир. 1915. № 3.

References

1. Jacques Le Goff. Chudesnoe na srednevekovom Zapade [L'Etrange et le Merveilleux dans l'Islam medieval]. Retrieved from: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Goff_Chudo.html [in Russian].
2. Averintsev S.S. Chudo [Miracle] in *Sergey Averintsev. Sofiiia-logos. Slovar'* [Sofia-logos. Dictionary]. K.: DUKh/LITERA, 2006 [in Russian].
3. Galina Maria. Chudovishcha iz Maloi Glushi [Monsters of Minor Wilderness]. Retrieved from: <http://www.rg.ru/2009/11/13/galina.html> [in Russian].
4. Galina M. Avtokhtony [Autochtons]. *Novy Mir* [New world], 1915, no. 3 [in Russian].

T.V. Kazarina*

**MODERN FANTASTIC PROSE IN SEARCH OF NEW SOURCES
OF WONDERFUL**

The article is devoted to the consideration of the question of how contemporary fantastic literature changes its attitude towards the unusual, in what begins to look for sources of a wonderful. The prose of a famous fantast Mary Galina is the source of consideration.

Key words: miracle, fantastic, science fiction, formulaic literature.

Статья поступила в редакцию 21/III/2016.

The article received 21/III/2016.

---

* *Kazarina Tatjana Viktorovna* (kazarina_tv@bk.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.